

Г. Н. МОИСЕЕВА

**«ИСТОРИЯ РОССИИ» ФЕДОРА ПОЛИКАРПОВА
КАК ПАМЯТНИК ЛИТЕРАТУРЫ**

В 1708 г. начальник Монастырского приказа И. А. Мусин-Пушкин передал директору московской типографии Федору Поликарповичу Поликарпову-Орлову распоряжение Петра I о написании «Истории России» от древнейшей поры и до современных событий. Выбор Федора Поликарпова был не случаен. Талантливый ученик Лихудов в Славяно-греко-латинской академии, образованный справщик Печатного двора, хорошо знакомый с печатными и рукописными книгами, знаток латинского и греческого языков (он принимал самое деятельное участие в составлении «Трехязычного лексикона», изданного в Москве в 1705 г.), Федор Поликарпов, по мнению И. А. Мусина-Пушкина, был подготовлен к созданию первого печатного труда по истории России, необходимость которого уже ясно осознавалась и в конце XVII в. Известно, что по распоряжению царя Федора Алексеевича предпринималась попытка издания исторического сочинения, не удавшаяся по неизвестным нам причинам.¹

10 октября 1708 г. И. А. Мусин-Пушкин писал Ф. Поликарпову: «Историю указал государь писать, почав от царства великого князя Василья Ивановича, даже и до днесь российских дел. И есть ли ты можешь делать, и ты делай с прилежанием; а будет тебе невозможно, и ты ко мне отпиши. А есть ли зделаешь, примешь милость».²

Ф. Поликарпов, по-видимому, согласился, но просил И. А. Мусина-Пушкина сообщить о характере будущего исторического сочинения, готового образца которого не существовало. 26 октября

¹ Сочинение по русской истории хранится в ГПБ. F. IV. 159.

² Письма и бумаги императора Петра Великого, т. VIII, вып. 2. М., 1951, стр. 938.

того же года из Брянска Мусин-Пушкин ответил Ф. Поликарпову: «О летописании, каковым образом писать, аще повелит бог быть мене на Москве, общим советом учиним; но твоя милость ныне напиши лет пять пространно и сокращенно, и будет мы замешкаемся, пришли к нам. А есть ли труды твои будут угодны в совершенстве, уповаю не без доброго воздаяния быти».³

Сохранились две редакции сочинения Федора Поликарпова. Анализ этих редакций позволяет не только представить этапы работы Ф. Поликарпова над «Историей России», но и увидеть процесс формирования исторического сочинения, которое по замыслу Петра I должно было отвечать требованиям современной науки и быть доступным широкому кругу читателей.

В ЦГАДА в фонде Посольского приказа хранится сборная рукопись конца XVII—первых лет XVIII в.⁴ На обложке запись: «Книга Степенная. Часть 2-я». В начале сборника помещены хронографические известия (л. 1—220 об.), «Сказание и хождение великого храброго царя Александра великия Македонии самодержца наказание храбрым чудно и дивно послушати» (л. 221—265 об.), отрывки летописных известий: «О летех, в них же киевское княжение и всяя России самодержество под татарским пребысть игом» (л. 266—287 об.), «О начале государства польского и чешского» (л. 288—395 об.), «Книга о Троянском царстве и о разорении его» (л. 396—421 об.), «Сказание или повествование о Вавилонском царстве и о запустении его» (л. 422—425). Здесь помещены отдельные небольшие заметки о великом князе Василии Васильевиче, о княжении на Москве великого князя Иоанна Васильевича, известие о стрелецком восстании 1682 г.

Далее известия приобретают совершенно иной характер: в них фиксируются события, происходящие в России в конце XVII—начале XVIII в. Эти дописанные к Степенной книге известия, относящиеся к петровской эпохе, представляют собой черновые записки, сделанные Ф. Поликарповым по живым следам исторических событий в хронологической последовательности с максимальным приближением к документальным источникам. Так, на л. 443 об. сообщено о том, что «посланы с Москве великие полномочные послы генерал Франц Яковлевич Лефорт, да боярин Федор Алексеевич Головин с товарищи за море». На л. 445 об. известие об их возвращении, на 471-м — рассказ о результатах посольства Емельяна Украинцева. А внизу приписка: «А подлинная о всем о том записка явится в статейном их списке». На л. 472 «Список з договорного писма, каково дано в Констянтинне поле на славенском языке турского салтана великому везирю и министром, которые были на конференции в нынешнем 1700 году июля в 6 день».⁵ Выражение «в нынешнем 1700 году» позволяет

³ Там же.

⁴ ЦГАДА, ф. 181, № 849, л. 1—579.

⁵ Там же, л. 472—485 об.

вполне обоснованно полагать, что заметки, относящиеся к событиям последних лет XVII в. и к первым годам XVIII в., фиксируют текущие факты в их последовательности: «1706 марта в 11 день боярин и воевода Борис Петрович Шереметев с товарищи и с ратными людьми пришел под Астрахань». ⁶ Подробно описан поход Шереметева. Далее выборочно освещены отдельные моменты Северной войны и вклеены печатные реляции, манифесты, реестры о «взятых в полон шведских офицеров и рейтаров и драгунов и солдат».

Под 1708 г. помещено «объявление баталии меж его царским величеством российским и шведским генералом графом Левенгоптом при деревне Лесной от Пропойска в дву милях». ⁷ Ниже сообщено об измене Мазепы: «1708 ноября гетман Ивашко Степанович Мазепа малороссийских городов великому государю изменил, отъехал к шведскому, а старшины к нему не пристали». ⁸

Подробно описано сражение под Полтавой на основании «Обстоятельной реляции о главной баталии меж войск его царского величества российского и королевского величества швейского, учинившейся неподалеку от Полтавы сего июня в 26 день 1709 лета». ⁹ На л. 507 переписано с печатного «Изъявление фейрверка 1710 году генваря в 1 день». К л. 509—510 приклеены печатные реляции о взятии Выборга и «о поведении бывшем в армии его царского величества мая с тридесятого числа 1711 году о бою с турки и о постановлении вечного мира». ¹⁰

Описание событий Северной войны перебивается отдельными заметками, в которых сообщено о некоторых происшествиях, случившихся в Москве в первом десятилетии XVIII в.: «Августа в 4 день в 3 часу ночи загорелось за Никитскими вороты в земляном городе у Вознесения и выгорело в земляном и в белом города Никитская, Арбатская, Тверская, Дмитровская и Петровская улицы доле Тростного кружала и Мучной ряд по Неглинну и во Знаменки много людей пригорело». ¹¹ Автор делает запись и о пожаре в Троице-Сергиевом монастыре: «Августа в 28 выгорел Троицы Сергиев монастырь и церкви божии, и села и житницы, и колокола разбились, а иные растопились, и монахов сгорело человек с тридесят и болши». ¹²

Под 1711 г. после сообщения о переходе русской армии под командой генерал-фельдмаршала Шереметева через р. Днепр «под местечком Рашковым» и переписки «Манифеста или объявления о вероломном разрыве мира салтана турского Ахмета против его

⁶ Там же, л. 486.

⁷ Там же, л. 494.

⁸ Там же, л. 499.

⁹ Там же, л. 500—504 об.

¹⁰ Там же, л. 510.

¹¹ Там же, л. 505.

¹² Там же, л. 505 об.

царского величества» помещена заметка: «...божиим изволением грех ради наших в заокских и в украинских городех от Киева и в округе была саранча великая, хлеб весь, и на лесах лист и траву всю поела».¹³

Летописные заметки снова перебиваются печатными материалами: «Реляции о разорении шведской армии, бывшей под командою фельдмаршала графа Штейнбока».¹⁴ Последнее сообщение, которым заканчивается летопись, следующее: «Получена весть от двух нарочных свидетелей... из Царяграда, а предана от 6 числа от верного криспондента [так!], в которых пишет о освобождении барона Шафирова и генерала Шереметева... Из Санкт-Петербурха писано мая 26 дня 1713 года».¹⁵

С. Л. Пештич отметил известия о московских пожарах, перебивающие изложение событий Северной войны.¹⁶ Это несомненная дань старым формам повествования, когда в летопись вносились разнообразные факты в их естественной последовательности.

Следует обратить внимание еще на одну особенность этого исторического сочинения: автор его достаточно подробно информирован о военной и дипломатической деятельности Б. П. Шереметева. Мы помним, как подробно он описывает поход Шереметева под Астрахань 1706 г., отмечает его роль во время сражения под Полтавой и заканчивает свою «Историю» сообщением об освобождении Шереметева из турецкого плена в 1713 г. Эта обстоятельность свидетельствует о том, что Ф. Поликарпов располагал материалами Б. П. Шереметева. Известно, что при Б. П. Шереметеве систематически составлялся журнал военных походов.¹⁷ Ф. Поликарпов имел возможность пользоваться им, о чем он сообщил в предисловии к «Истории России», работа над которой была начата в 1708 г.

Первоначальный вид основной редакции «История России» Ф. Поликарпова находится в Рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина,¹⁸ окончательный вид основной редакции — в Библиотеке АН СССР.¹⁹

Рукопись ГБЛ представляет собой чистовой вариант текста «Истории о владении российских великих князей вкратце», но не оформленный до конца. Так, оставлены ненарисованными гербы российских государей, на листах сделаны лишь подписи, например «царя православна орел двоеглавный».²⁰ О «рабочем» состоянии

¹³ Там же, л. 570.

¹⁴ Там же, л. 574—577 об.

¹⁵ Там же, л. 579—579 об.

¹⁶ С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века, ч. 1. Л., 1961, стр. 110—117.

¹⁷ Военно-походный журнал 1711—1712 гг. СПб., 1898.

¹⁸ ГБЛ, Музейн. ф. 178, № 4698, л. 1—396.

¹⁹ БАН. 32.6.30, л. 1—508.

²⁰ ГБЛ, Музейн. ф. 178, № 4698, л. 246 об., 312а.

рукописи свидетельствуют пометы, которыми обозначены места, где должны быть помещены копии документов, например «копия с грамоты»,²¹ а на следующих листах писцовым почерком переписана грамота об избрании Михаила Федоровича Романова с перечислением подписей.²²

Рукопись ГБЛ хранилась в частных собраниях, о чем свидетельствуют владельческие приписки: «Сию книгу читал, весьма полезная, а принадлежит Ивану Наликину»,²³ «Сия книга села Кохмы жителя Андрея Федорова Калачика».²⁴

Рукопись сочинения Ф. Поликарпова, хранящаяся в БАН, переписана с рукописи, которая в настоящее время находится в Музейном собрании ГБЛ.

Об этом свидетельствует отсутствие лакун в тексте, а также помет, обозначающих места, где следует поместить копии документов. В рукописи БАН помещены также гербы с подписями, в рукописи ГБЛ, как мы помним, изображения гербов отсутствуют.

Рукопись БАН. 32. 6. 30 поступила в Академическую библиотеку в 1739 г. из библиотеки Я. В. Брюса, одного из образованнейших сподвижников Петра I. О принадлежности рукописи Брюсу говорит приписка библиотекаря А. И. Богданова на экземпляре «Камерного каталога» — печатного описания рукописей, хранившихся в Академической библиотеке.²⁵ Я. В. Брюс проявлял интерес к древнерусским рукописям и историческим сочинениям. К нему обращался в 1712 г. за помощью Федор Борисов, оставленный в Кенигсберге для переписки летописи XV в., подаренной Николаем Радзивилом в Королевскую библиотеку.²⁶ Позднее Я. В. Брюс оказывал содействие В. Н. Татищеву в получении копии Кенигсбергской (Радзивилловской) летописи из кабинета Петра I.²⁷ Поэтому нет ничего удивительного в том, что рукопись сочинения Ф. Поликарпова по истории России оказалась в руках Я. В. Брюса, полученная, возможно, от самого Петра I.²⁸

Таким образом, есть все основания полагать, что именно эта рукопись «Истории» Ф. Поликарпова была поднесена Петру I и отвергнута им по причинам, о которых мы ниже выскажем свои предположения.

²¹ Там же, л. 180 об.

²² Там же, л. 181—245 об.

²³ Там же, л. 6 об.

²⁴ Там же, л. 377 об.

²⁵ БАН. 45.13.22, л. 68.

²⁶ М. Н. Мурзанова. Первые фонды рукописных книг Академической библиотеки. — В кн.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 1. XVIII век. М.—Л., 1956, стр. 97.

²⁷ В. Н. Татищев. История российская, т. IV. М.—Л., 1964, стр. 35—36.

²⁸ В «Обзоре собрания рукописных книг Петра I» рукопись БАН.32.6.30 числится «условно», см. в кн.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, стр. 99.

«История о владении российских великих князей вкратце» состоит из трех частей, о чем сообщает сам автор: «... в первой части положися о начале и произведении народа и языка словенска. О великих князех киевских, владимерских и московских от первого князя Рурика до первого российского царя Иоанна Василевича по сокращению; во второй описано владетелство российских царей (начиная с Ивана IV и кончая Василием Шуйским, — Г. М.); в третьей части вчинихом блаженную державу благочестивейшаго царя Михаила Феодоровича, а по нем... до сих времен».²⁹

Отдельные части различаются отбором источников и соответственно — характером литературного изложения.

Основным источником первой части является печатный Синописис, откуда Ф. Поликарпов черпает целые разделы, в которых описывается древнейшая история славян и первых киевских князей. Для составления второй части, в которой обрисованы события XVI—XVII вв., использованы «Казанская история», «Степенная книга», «Никоновская летопись», «История о великом князе московском» А. Курбского, «Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря» А. Палицына, «Новая повесть о преславном российском царстве» и некоторые документальные источники, например «Настольная грамота» об избрании Михаила Романова.

Наибольший интерес, естественно, представляет третья часть «Истории», где Ф. Поликарпов освещает события конца XVII — начала XVIII в., в значительной степени ему современные. Безусловно, историко-литературные особенности этой части были в известной степени определены теми подготовительными материалами, которые нашли отражение в рукописи ЦГАДА при характеристике событий, относящихся к концу XVII — началу XVIII в.³⁰ Журнал военных походов Б. П. Шереметева как в рукописи ЦГАДА, так и в рукописях БАН и ГБЛ, явился основой фактических сведений Ф. Поликарпова о ходе военных действий русской армии во время Северной войны. Об этом он пишет в «Предуведомлении»: «Входя в сию военную историю, ведая буди, любезный читателю, яко о шведской войне еже имаши читати, токмо оное взято из реляций и из юрналиов единого господина фелтъмаршала Шереметева, а поденных юрналиов как его царского величества, так светлейшаго князя Меншикова и господина адмирала и протчих господ генералов особых действий в пополнение истории не мог уллучити, от чего пространная история могла бы быть».³¹

Печатные реляции, вклеенные на отдельных листах в подготовительных материалах Ф. Поликарпова, в чистовой «Истории о владении российских великих князей вкратце» оказались вклю-

²⁹ БАН.32.6.30, л. 2—2 об.

³⁰ ЦГАДА, ф. 181, № 849, л. 426—579.

³¹ БАН.32.6.30, л. 6; ГБЛ, Музейн. ф. 178, № 4698, л. 5 об.

ченными в текст. Но сделано это было подчас чисто механически. Сведения о событиях, выходящих за пределы военной истории, перемешались в подготовительных материалах с заметками о ходе войны. В чистовой «Истории» они находятся в примечаниях, помещенных на правом боковом поле, отделенном от основного текста вертикальной чертой. В этих примечаниях содержатся заметки о московских пожарах, о засухе, наводнениях и т. п. Они более кратки по сравнению с их источниками в подготовительных материалах.³²

Несмотря на то что Ф. Поликарпов проделал огромную работу по сбору материалов, охватывающих «тридцатолетное самодержавство... Петра Алексеевича [тем именем] первого, пространным описанием изъясненное», сведений о многих фактах ему явно недоставало. Так, например, описывая под 1706 г. Астраханский поход по военному журналу Б. П. Шереметева, Ф. Поликарпов говорит о недостаточности имевшихся в его распоряжении материалов: «Зде надлежит внести всю акцию Астраханскую подробно».³³ Составитель «Истории» остро ощущал необходимость пополнения известий из других источников: «От сюду надлежит писать съ юрнала светлейшаго князя (А. Д. Меншикова, — Г. М.) о всех делах в Полше бывших и в Курляндии. А у меня о сем ведения нет».³⁴ Под 1708 г. на правом боковом поле помещена заметка: «Зде от сентября по генварь реляции не было, а юрналов ничьих не прислано, и где что чинилось о том не известно». Такая же приписка и под 1710 г.: «От октября по генварь чем пополнить?».

Ф. Поликарпов ясно отдавал себе отчет в том, что даже при наличии официальных документов ему необходимы дополнительные данные для всестороннего освещения исторического факта. Так, например, под 1708 г. он сообщает: «... гетман войск запорожских Ивашка Мазепа [иже избран на место гетмана Ивана Самойловича, по навету изгнанного], забыв крестное целование, уничтожив царскую превысокую к себе милость, явися государю своему и всему российскому государству второй Иуда предатель, согласясь с племянником своим Войнаровским и некоею старшиною, изменил великому государю избрав множество богатства ушел обманом из Батурина ко шведскому королю во армию».³⁵ На боковом поле приписка: «Зде надобна вся акция и факция изменичья и универсалы его воровския [ежели угодно] вписати».³⁶

³² Ср., например, подробное известие о московском пожаре 1710 г. (ЦГАДА, ф. 181, № 849, л. 505). В рукописях БАН и ГБЛ это известие помещено на боковом поле: «Никитская и все за Яузе выгорело» (БАН.32.6.30, л. 502; ГБЛ, Музейн. ф. 178, № 4698, л. 390 об.).

³³ БАН.32.6.3, л. 438 об.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, л. 458

³⁶ Там же.

Особенно ясно односторонность обрисовки исторического события вследствие неполноты фактических сведений можно наблюдать при описании Полтавской битвы 1709 г. — события, сыгравшего громадную роль не только в ходе Северной войны, но имевшего важное значение в политической жизни европейского континента. Не располагая широким кругом материалов даже для характеристики полной картины военных действий войны со Швецией, Ф. Поликарпов был лишен возможности связать это событие с анализом дипломатических отношений и хотя бы самым кратким описанием преобразовательных мероприятий правительства, решивших в конечном счете исход Северной войны. В «Истории», составленной Ф. Поликарповым, приведена печатная «Обстоятельная реляция» о главной баталии меж войск его царского величества российского и королевского величества швейцарского, учинившейся неподалеку от Полтавы сего июня в 26 день 1709 лета». Далее помещено письмо Петра царевичу Алексею (также печатное), начинающееся словами: «Объявляю вам о зело превеликой и неначаемой виктории, которую господь бог нам чрез неописанную храбрость наших солдат даровати изволил». Описано торжественное «вшествие в Москву» и приведена копия печатного «Изъявления фейерверка 1710 году генваря в 1 день».

Если учесть, что «Гистория Швейцарской войны», составлявшаяся под руководством и при непосредственном участии Петра I, имеет, по определению С. Л. Пештича, 5 редакций,³⁷ и описание Полтавской битвы, подвергшееся многократной переработке, даже в «третьем чернении» по указанию Петра потребовалось переделать, чтобы «написать где прилично вечно достойной памяти: кто наши генералы и полковники при той баталии были, и некоторые были полки, и кто чем за оную награжден, и сколько наших побито и ранено. Также из журнала не надобно ль прибавить некоторых разговоров».³⁸

Очевидно, что отображение войны со Швецией в «Истории» Ф. Поликарпова, располагавшего ограниченным количеством источников, не могло идти ни в какое сравнение с «Гисторией Швейцарской войны», которую готовили под руководством Петра I его соратники Ф. Прокопович, П. Шафиров, А. Макаров.

По замыслу Ф. Поликарпова «История о владении российских великих князей вкратце» должна была представить правдивое повествование о деяниях Петра I. Краткая история допетровского времени рассматривалась им как необходимое введение к характеристике «Петра Алексеевича, ... иже издетска своего возраста даже и до дней сих как божиею десницею от премногих наветов домовных и внешних сохранен, колик путь по земле и по морю

³⁷ С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века, ч. 1, стр. 154—178.

³⁸ ЦГАДА, Кабинет Петра I, р. IX, отд. 1, № 2, л. 365.

обиде и в коликоратных со российскими и европѣскими великими потентаты [паче же со свейскою короною] в различных преславных войнах лета свои препровождая всему кругу земному явлен бысть».³⁹ Ф. Поликарпов подчеркивает, что свою задачу он видит в описании истинных фактов: «О сем зде не риторского хитроплетенного витийства пестротою, но правдивого слова простотою достоверными высоко почтенных лиц словесы и писмами уведомлен [еще и не весьма подробну, но от многих малые собрав] писанию предати по должности моей не оставих, яко да таковая столь преславная дела божия в наш век соделанная поведятся и проповедятся в роде ином во вечное время».⁴⁰ Составитель «Истории» сообщает в «Предуведомлении любезному читателю», что он намеревается сосредоточить свое внимание на времени правления Петра I: «Яко древняя сократив, токмо тридесятолетнюю историю плодovitее написах, а именно, от лета его царского коронования до лета господня 1710. Сего да не припишиши к моея лености, молю твое любомудрие ... ибо Омир гречески оны острозрителны и стихотворец токмо на десятилетней Троянской войне бывшую Ахиллесову храбрость стихотворными повестьми описав, не токмо не обвинен, но и милости и похвал от преимущих удостоен бысть».⁴¹ Ф. Поликарпов говорит о важности литературного труда, благодаря которому сохраняются описания «преславных дел» великих людей. Он вспоминает Александра Македонского, не расстававшегося с книгой Гомера, ссылается на Квинта Курция, прославившегося своим повествованием о деяниях великого греческого полководца.

Ф. Поликарпов отделяет, однако, свое сочинение от описания «баснотворных повестей» и противопоставляет им правдивую историю «гражданских и ратоборных и иных великих дел, ... ибо зде не Язонское в Колхиду ради баснотворного златого руна хождение, но истинно претрудное разных азиатских и европейских стран и государств обхождение сухим и морским путем, много бедственное странствование [которым различных ратоборных морского плаванья и протчих премудрых наук корысти далече златое руно превосходящие] описуется преобретение. Зде суть не предние оны велехвалныя Геркулесы от живописных лвов кожу обдирающе, но самому живому [во Европе грозному и знаменитому] лву зубы членовные искореняюще».⁴²

В этих словах раскрывается не только характерная особенность труда Ф. Поликарпова, полемизирующего с традиционными правилами поэтики, восходящими к Аристотелю, когда для похвалы герою необходимо было соотнести его поступки с деяниями

³⁹ БАН.32.6.30, л. 4.

⁴⁰ Там же, л. 4 об.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, л. 5.

богов и античных героев, но намечается совершенно новая линия развития героического образа национальной русской литературы. Именно в этом направлении будет формироваться образ Петра I в литературе XVIII в. В 40—50-х годах Ломоносов напишет: «...едва не до отвращения духа чрез многие веки...древния греческия и римския, по большей части баснотворныя деяния».⁴³ В своих литературных произведениях он обратится к темам и образам древнерусской литературы. В героической поэме «Петр Великий» он выразит свою литературную позицию в предисловии:

Хотя во след иду Виргилию, Гомеру,
Не нахожу и в них довольного примеру.
Не вымышленных петь намерен я богов,
Но истинны дела, великий труд Петров.⁴⁴

Ф. Поликарпов как бы предвосхитил эту мысль Ломоносова, сказав в своей «Истории»: «Зде не Македонского Александра дела, о них же дивляшися древле страна Македонская и Финская, но славныя провинции Финская, Ижерская, Лифляндская, Естляндская, Ингерманландская, Ливонская, Корелская, Полская, Литовская, Саксонская, Померанская, Олсатская и протчие и протчие. Вкратце вся Европа и Азия каковых и коль преславных во храбрости и мудрости видели и уведали Александров сами и неволею проповедают, а яко не ложна суть глаголемая читати последующая благоволи и уверишася от написанных здрав буди».⁴⁵

Эта линия исторически достоверной характеристики Петра I получит свое завершение в творчестве Пушкина — автора поэм «Полтава» и «Медный всадник».

Создавая «Историю», Ф. Поликарпов неизбежно столкнулся с проблемой литературного языка. Опытный переводчик и справщик (редактор) Печатного двора, Поликарпов ясно представлял, какие необыкновенные трудности его ожидают. Описание героических дел по правилам риторик конца XVII—начала XVIII в. требовало употребления книжно-славянских форм речи — «высокому роду глаголанія»⁴⁶ (позднее сформулированного Ломоносовым как высокий стиль). Но в то же время в практике развивающейся разговорной речи и гражданской печати начала XVIII в. осуществлялись совершенно другие формы развития русского языка в сторону их взаимного сближения. Те многочисленные реляции и «изъяснения», которые Ф. Поликарпов вводил в свою «Историю», представляли образцы именно такого языка, снижаю-

⁴³ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. VIII. Поэзия, ораторская проза, надписи. М.—Л., 1959, стр. 809.

⁴⁴ Там же, стр. 696.

⁴⁵ БАН.32.6.30, л. 5 об.

⁴⁶ В. П. Вомперский. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. М., 1970, стр. 30—54.

щегося подчас до бытового просторечия, но наряду с этим широко применявшего варваризмы петровского времени.

Пытаясь согласовать замысел своего произведения (героического по преимуществу) с литературным стилем, Ф. Поликарпов совмещает лексику высокой книжно-славянской речи с многочисленными кальками иностранных слов, отображающими новые явления общественной, военной и политической жизни того времени. Поэтому в языке его «Истории» слой варваризмов даже более значителен, чем в сочинениях, вышедших из круга Петра I в период работы над «Гисторией Свейской войны». Ф. Поликарпов, по-видимому понимая это, поместил в своей «Истории» «лексикон вокабулам новым по алфавиту», который должен был облегчить понимание отдельных слов, еще не вошедших в широкое употребление.

В марте 1715 г. была закончена работа Ф. Поликарпова над «Историей»,⁴⁷ а 2 января 1716 г., по сообщению И. И. Голикова, Петр I рассматривал «сочиненную для обрасца часть российской истории и трезычный лексикон и хотя он не был этими трудами доволен, повелел дать трудившемуся 200 руб.»⁴⁸ О печатании «Истории» не могло быть и речи. Не удовлетворил Петра I и «Лексикон» Поликарпова. В БАН хранится отдельная рукопись этого «Лексикона» с многочисленными поправками и дополнениями Петра I,⁴⁹ которую безнадежно просил вернуть ему в Москву Ф. Поликарпов.⁵⁰

Опыт работы над «Историей» обогатил Ф. Поликарпова. В следующем своем труде — переводе 1716 г. «Географии генеральной» Б. Варения он писал в «Предисловии»: «...употребих наречия и сочинения общенароднаго российского паче, неже славянского. Есть же, где обретається, в толиком количестве книги, речь и славянская, но оную внятно читающему мощно познати от предидушаго и последующаго во чтении разума, камо оная клонится и что знаменует».⁵¹

Рукопись «Истории» Ф. Поликарпова, как уже указывалось выше, после смерти Я. Брюса попала в Академическую библиотеку и оказалась включенной в печатное описание — «Камерный

⁴⁷ Об этом свидетельствует приписка в конце списков БАН.32.6.30, л. 508; ГБЛ, Музейн. ф. 178, № 4698, л. 396.

⁴⁸ И. И. Голиков. Дополнения к Деяниям Петра Великого, т. XI. М., 1794, стр. 7.

⁴⁹ БАН.32.6.14, л. 1^а об. Приписка библиотекаря А. И. Богданова: «Приправа на листах собственной руки государя императора Петра Великого».

⁵⁰ В письме от 22 апреля 1715 г. И. А. Мусину-Пушкину Ф. Поликарпов писал: «Лексикон мой, государь, латино-словенский моей руки прикажи ко мне прислать, потому что без него ни сей книги, ни иной возможно мне преводить» (Переписка директора Московской Синодальной типографии Федора Поликарпова с графом Мусиным-Пушкиным, начальником Монастырского приказа. 1715—1717. — Русский архив, 1868, № 7—8, стб. 1042).

⁵¹ БАН, Петровская галерея, № 72, л. 9 об.

каталог» 1742 г. под № 17. Мы не располагаем сведениями о том, что с этим сочинением был знаком Ломоносов, широко использовавший фонды Академической библиотеки.⁵² Но факт такой не исключен, если учесть большой интерес Ломоносова к сочинениям о Петре I его современников.⁵³

* * *

Изучение «Истории России» Ф. Поликарпова и анализ причин его неудач показывают трудности историко-литературного процесса начала XVIII в., когда на смену старым летописным приемам приходили исторические сочинения иного типа, в которых передовые просветительские идеи были выражены в новой литературной форме.

Исторические труды Татищева и литературные сочинения Ломоносова были следующей ступенью в формировании повествовательной прозы XVIII в.

⁵² См.: Е. Б. Рысс и Г. М. Коровин. Ломоносов — читатель Библиотеки Петербургской Академии наук. — Труды Библиотеки Академии наук и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР, т. III. М.—Л., 1958, стр. 282—302.

⁵³ В письме к И. И. Шувалову в ответ на его предложение помочь Вольтеру материалами о Петре I Ломоносов сообщал: «У меня сколько есть записок о трудах великого нашего монарха, все для сего предприятия готовы» (М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. X, стр. 525).